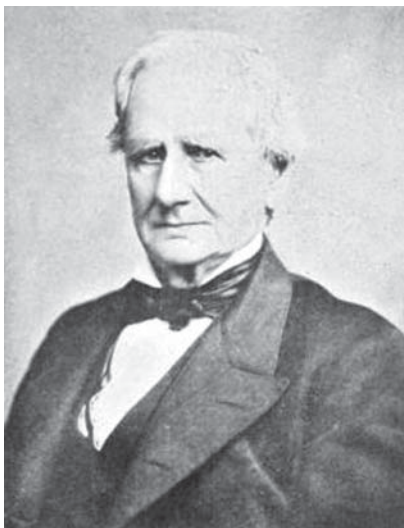

Петербургская ссылка Саймона Камерона

В. В. Носков

С. Камерон принадлежал к первому поколению республиканских политиков, пришедших к власти в 1861 году и возглавивших страну в годы Гражданской войны. После военной победы основоположники Республиканской партии еще долго управляли Соединенными Штатами, а С. Камерон оставался одним из наиболее влиятельных политиков своего времени. Особое место в его политической биографии занимало кратковременное пребывание на посту посланника США при российском императорском дворе в 1862 году.

Саймон Камерон родился 8 марта 1799 года в бедной семье, систематического образования не получил. С десяти лет он начал работать учеником в типографии, в 1820-е годы занимался журналистикой и издательским бизнесом, что позволило ему приобрести значительное влияние в политической жизни Пенсильвании. Выгодный заказ на издание официальных документов штата принес Камерону доходы, позволившие ему заняться бизнесом и быстро разбогатеть. В 1826 году он исполнял обязанности генерал-адъютанта Пенсильвании, с тех пор титуловался «генералом». В 1845 году Камерон был впервые избран в Сенат США от коалиции демократов-протекционистов, виггов и «коренных американцев». Проиграв дважды на последующих выборах, он присоединился в 1856 году к республиканской партии и сделал в ней быструю карьеру, установив контроль над партийной организацией Пенсильвании. В 1857–1861 годах Камерон снова представлял свой штат в Сенате США уже как республиканец. «Для Саймона Камерона политическая деятельность была коммерцией, спортом, страстью. В шестьдесят два года он уже двадцать лет был доминирующей фигурой в Пенсильвании», писал знаменитый биограф

Саймон Камерон.
Фото 1865 г.

А. Линкольна. «Его отец, шотландец, был деревенским портным, зарабатывал мало и в девятилетнем возрасте Саймон был усыновлен местным доктором. Через год он пошел в типографию, научился ремеслу и к двадцати одному году стал редактором» городской газеты. «Десять лет молодости Камерон отдал строительству каналов, железных дорог, учреждению банков и добыл себе огромное состояние. Свое прозвище “король Пенсильвании” он получил вместе со славой самого изощренного политического комбинатора в Америке»¹.

В 1860 году Камерон добивался выдвижения своей кандидатуры в президенты, вступив в соперничество с такими сильными претендентами, как А. Линкольн и У. Г. Сьюард. Сторонники Камерона рекомендовали его как кандидата, способного объединить всю оппозицию демократической администрации и установить «истинно американскую республиканскую систему». Биография Камерона преподносилась как прекрасная иллюстрация благотворного действия «наших свободных институтов»,

при этом подчеркивалось, что он вышел из гущи народа, понимал его и знал его нужды, что своим трудом он преодолел бедность и стал воплощением классического американского «*self-made man*». Камерон представлялся как сторонник прогресса, остающийся при этом консерватором, как истинный «пенсильванский демократ старой закалки», который имел «мало равных ему и никого, кто бы его превосходил», как прекрасный семьянин и верный друг. Особо подчеркивалось, что он являлся выдвиженцем «Краугольного штата», занимавшего ключевое место в федеральной системе Соединенных Штатов². Групповой портрет республиканских претендентов на президентский пост, опубликованный в журнале *Harper's Weekly* в разгар предвыборной кампании, выглядел так: в центре как наиболее вероятный выдвиженец был изображен будущий госсекретарь У. Г. Сьюард, вторым слева в нижнем ряду – А. Линкольн, крайним справа в нижнем ряду – партийный функционер из Кентукки Кассиус М. Клей, будущий соперник Камерона в борьбе за различные политические назначения; крайним справа в среднем ряду – сам С. Камерон³.

В ходе решающего голосования на партийном конвенте 1860 года Камерон, наряду с Клеем и другими влиятельными делегатами, поддержал Линкольна против Сьюарда, чем нимало способствовал его победе. Пенсильвания – основной «промышленный штат, центр металлургии и железных дорог – необходим был Линкольну на случай крайних, критических событий государственной важности, а Камерон был в этом штате главным связующим звеном между деловыми и политическими кругами», отмечал К. Сэндберг⁴. Закулисная сделка, обеспечившая Линкольну поддержку пенсильванской делегации, предусматривала

назначение Камерона на министерский пост. Сам он рассчитывал на министерство финансов, но президент предпочел отдать под его управление военное ведомство, приобретавшее особое значение в связи с назревавшей Гражданской войной. Клей, также претендовавший на место военного министра, был очень раздосадован решением Линкольна, но, в конце концов, был вынужден согласиться на назначение посланником в Санкт-Петербург. По пути в Россию новоиспеченный дипломат писал Линкольну, что он готов вернуться на родину, если президент подыщет ему генеральскую должность в армии.

На посту военного министра Камерон навлек на себя многочисленные обвинения в некомпетентности и коррупции. К этому добавились расхождения с Линкольном по политическим вопросам. Последней каплей, переполнившей чашу терпения президента, стал годовой отчет Камерона за 1861 год, в котором он заявил о необходимости освобождения и даже вооружения рабов, принадлежавших мятежникам. Линкольн распорядился об изъятии разосланных экземпляров доклада и о публикации нового тиража, из которого преждевременный призыв к эмансипации был удален. Почувствовав неладное, военный министр сам намекнул, что его обязанности слишком обременительны и он предпочел бы принять на себя какую-нибудь дипломатическую миссию⁵.

Заявление Клея о желании перейти с дипломатического поста на военную службу давало Линкольну возможность относительно благопристойно избавиться от скомпрометировавшего себя министра. В конце 1861 года президент поручил своему доверенному лицу Т. Виду выяснить, как Камерон отнесется к идее отправиться за границу. В ходе приватной беседы Вид сообщил министру о предполагаемой отставке Клея. В ответ Камерон заметил, что его семья не возражает против его отставки и с удовольствием прокатится в Европу. Он попытался выяснить, был ли президент готов принять решение, но Вид не мог тогда сказать ему ничего определенного⁶. Несмотря на этот предварительный зондаж, решение, принятое в конечном

итоге Линкольном, стало неприятной неожиданностью для вставшего в немилость министра. 11 января 1862 года, в субботу, президент направил Камерону официальное письмо с извещением, что исходя из его пожеланий и собственных представлений об «общественном интересе» в понедельник он представит его кандидатуру Сенату для утверждения на пост посланника в России⁷. В частном письме, посланном в тот же день, Линкольн отмечал, что намерение Клея вернуться в Америку позволило ему удовлетворить пожелание Камерона и выражал уверенность в том, что «при особе великого суверена, чья личная и унаследованная дружба к Соединенным Штатам внушила к нему такую любовь американцев, вы сможете оказать своей стране услуги не менее важные, чем те, какие вы смогли оказать на родине»⁸.

По свидетельству пенсильванского политика А. К. МакКлора, послание Линкольна повергло военного министра в сильнейшее волнение, доведя его чуть ли не до слез. В порыве отчаяния Камерон заявил даже, что отставка, произведенная в такой форме, означает для него личное и политическое крушение⁹. Хотя низвержение с политического Олимпа поразило Камерона, ему не оставалось ничего другого, как поблагодарить президента за назначение на «один из высших дипломатических постов» и заверить его, что «как только важные и пребывавшие в долгом небрежении личные дела будут улажены, я приму на себя важные обязанности по той миссии, которую вы возложили на меня»¹⁰. Сенату потребовалось четыре дня напряженных дебатов, чтобы 28 голосами против 14 утвердить это сомнительное назначение. Таким образом, «политический царь Пенсильвании» был вынужден отправиться ко двору «Царя всех русских»¹¹. Официальное назначение Камерона на пост посланника состоялось 17 января 1862 года, но публично об этом было объявлено только в следующем месяце. При этом дело было представлено так, будто военный министр сам подал в отставку, которая и была принята президентом, вознаградившим его почетным дипломатическим постом¹².

На должность секретаря миссии Камерон пригласил другого уроженца Пенсильвании, известного писа-

Бейард Тейлор
в своем «русском» костюме.
Фото 1864 г.

теля и автора популярных путевых очерков Бейарда Тейлора. За пять лет до того Тейлор уже побывал в России, всерьез заинтересовался ею и намеревался более обстоятельно познакомиться с ее культурой. Родители Тейлора были хорошо знакомы с семьей Камерона¹³. Сам посланник тоже был наслышан о своем знаменитом земляке и его путешествии в Россию, поэтому его выбор был вполне закономерным. 26 марта 1862 года Тейлор писал жене: «Камерон (бывший военный министр) очень заинтересован, чтобы я стал при нем секретарем миссии в России и зашел так далеко, что известил об этом президента». При этом Камерон не скрывал, что он не собирался надолго задерживаться в Санкт-Петербурге и уже «осенью точно вернется в Америку», пообещав Тейлору, что после своей отставки поспособствует его назначению на пост посланника¹⁴. Камерон был очень настойчив, произвел хорошее личное впечатление на Тейлора и добился его согласия на свое предложение.

Незадолго до отплытия Камерона в Европу комитет граждан Гаррисберга, столицы Пенсильвании, устроил ему торжественные проводы, «не желая, чтобы вы покинули страну для важной миссии в качестве полномочного посланника в России, не приняв изъявления высокого уважения, с которым они относятся к его качествам как че-

ловека, и полного доверия, которое они испытывают к его выдающимся способностям как государственного деятеля»¹⁵. Камерон произнес на банкете пространную речь, в которой довольно убедительно опроверг обвинения в свой адрес. Он напомнил, что, несмотря на все издержки, за время его руководства военным департаментом практически с нуля была создана и вооружена крупнейшая в мире армия. Свою отставку Камерон объяснял тем, что посчитал свою миссию выполненной и поэтому с готовностью принял назначение в Россию. Он сказал также, что всегда мечтал увидеть «красоту и величие Старого Света». В заключение Камерон призвал соотечественников забыть о внутренних разногласиях и сплотиться вокруг президента, чтобы как можно скорее довести войну до победного конца и раз навсегда разрешить вопрос о рабстве¹⁶. В одной из ответных речей провозглашалось: пусть «посланник в России отправляется в путь с новой надеждой и восстановленной верой»; пусть он, представ перед «императором русских, этим твердым и стойким другом нашей нации, заверит этого суверена, что наш народ стоит как один человек в своей верности Союзу»¹⁷. Другой оратор выражал уверенность в том, что когда Камерон «предстанет перед троном царя России, он сможет сказать на ясном саксоно-английском: здесь нет никакого раскола, мы стоим единые и неразделимые»¹⁸.

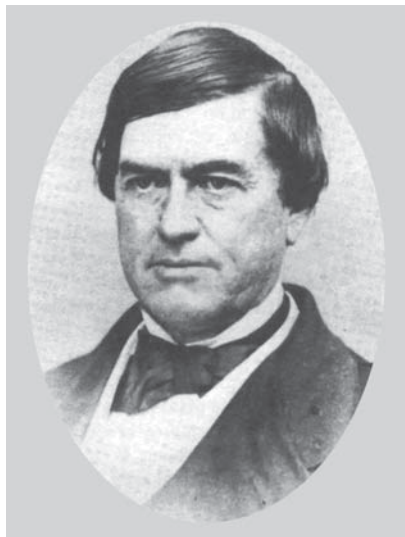
Камерон отправился в путь 7 мая 1862 года. Посланника сопровождали его жена, урожденная Маргарет Бруа, и трое детей. Всего у Камеронов их было шестеро – три сына и три дочери. В Россию с ними поехали две дочери и младший сын¹⁹. Сына, которому в то время было восемнадцать лет, звали Саймон Камерон-мл. Исходя из семейных обстоятельств Камеронов, можно предположить, что родителей сопровождали дочери Вирджиния, в будущем миссис Вэйн МакВа, и Маргарет, миссис Ричард Дж. Халдеман. Вместе с ними на борт парохода поднялись Тейлор, его жена и их дочь Лилиан. Их путь в Россию пролегал через Англию. Будущий историк Генри Адамс, который в тот момент находился в Лондоне вместе со своим отцом-дипломатом, писал

брату, что они были вынуждены принимать «этого лицемера генерала Камерона» и выражал надежду, что «он сгинет в российских степях и навсегда заблудится там»²⁰. В британской столице Камерон основательно пополнил свой гардероб, готовясь к исполнению возложенной на него дипломатической миссии. Он приобрел сюртук, украшенный эполетами бригадного генерала, шелковый фрак и брюки к нему, а также длинное пальто из бобрового меха. После Англии Камерон предпринял путешествие по Европе, проехав через Францию, Бельгию, Нидерланды и северную Германию, прежде чем поездом Кёнигсберг–Санкт-Петербург прибыл вместе с Тейлором в столицу Российской империи²¹. Мария Хансен-Тейлор с дочерью задержалась в Готе, где жили ее родители.

«Мы приехали сюда в ночь на воскресенье, 15-е» (3 июня ст. ст.), писал Тейлор матери вскоре после прибытия в Санкт-Петербург²². Вечером того же дня Камерон встречался с Клеем, который уже передумал возвращаться в Америку и надеялся продолжить свою дипломатическую карьеру. Новый посланник заверил своего предшественника, что он не собирался задерживаться в Санкт-Петербурге дольше, чем до начала осени. Клей тут же известил Линкольна, что Камерон намеревался получить отпуск, вернуться в Америку и больше не возвращаться в Россию. Клей договорился с Камероном об использовании части своего имущества

и временном хранении остального в расчете на то, что Линкольн позволит ему вернуться в российскую столицу²³. По выражению Клея, бывший министр использовал «миссию в С.-Петербург как парашют», чтобы обеспечить мягкую пересадку из ставшего неудобным кресла в другое²⁴. Уже на следующий день после приезда Камерон договорился о свидании с Горчаковым, которое было назначено на 5 (17) июня. Горчаков принял двух посланников в своем кабинете в здании МИД у Певческого моста. Камерон отмечал сердечность, с которой их встретил российский министр²⁵.

Первые дни пребывания Камерона в российской столице были посвящены обустройству, знакомству с городом и подготовке к Высочайшей аудиенции. Вечером 7 (19) июня Камероны вселились в дом Шелашникова на Гагаринской улице, оставляемый Клеем²⁶. В соответствии с вводимой тогда нумерацией дом получил № 5²⁷. Арендная плата – 3 тысячи долларов (более 6 тысяч рублей) в год – показалась Камерону чрезмерной, однако она вполне соответствовала общему уровню цен в Санкт-Петербурге, который, по общему убеждению американских дипломатов, являлся едва ли не самой дорогой столицей Европы²⁸. На следующий день к Камеронам присоединился Тейлор. Посланник пригласил своего молодого коллегу воспользоваться его гостеприимством до приезда жены²⁹. Дом Шелашникова (Шалашникова), в то время двухэтажный и более скромный по оформлению, чем сейчас, располагался в Литейной части, по соседству с парадным особняком графа Н. А. Кушелева-Безбородко, который в тот момент находился в процессе перестройки. После ее завершения за особняком закрепилось название «малый мраморный дворец». С другой стороны дом Шелашникова примыкал к зданию, принадлежавшему дворцовому ведомству, которое занимало целый квартал вдоль Сергиевской улицы от Гагаринской до набережной Фонтанки. Впоследствии дом № 5 по Гагаринской улице приобрел П. А. Столыпин, при котором началась его перестройка, завершенная в 1912 году, уже после смерти нового владельца. Особняк был надстроен на один этаж, оформлен в стиле

Кассиус М. Клей

неоклассицизма и приобрел современный вид³⁰.

Высочайшая аудиенция, первоначально предполагавшаяся в Царском Селе, где императорская семья проводила лето, была перенесена в Санкт-Петербург и назначена на 12 (24) июня, но затем отложена на день. Утром 13 (25) июня 1862 года, в среду, Александр II на экстренном поезде прибыл в столицу и проехал на Марсово поле, на смотр воспитанников и выпускников военно-учебных заведений. Без двадцати час император появился в Зимнем дворце, где его ожидали американские дипломаты. «В час Его Величество изволил принимать прибывшего для вручения новых кредитивных грамот, Посланника Северо Американских соединенных Штатов Г. Камерон с Секретарем миссии Байар-Тейлор, а бывший Американский посланник Г. Клее откланивался. – При чем был Церемониймейстер Гр. Рибопьер с помощником Церемониймейстера». Аудиенция продолжалась полчаса, а затем Их Величества «изволили проходить в Императорский Эрмитаж и осматривали картины»³¹.

Камерон описал эту рутинную для российского двора церемонию в восторженных тонах, придавая преувеличенное значение каждой детали и каждому сказанному императором слову. Согласно его донесению, в полдень Клей, он сам и Б. Тейлор направились в Зимний дворец. В приемной перед кабинетом императора их встречали обергофмаршал императорского двора граф А. П. Шувалов и церемониймейстер граф И. А. Рибопьер. Клей был приглашен первым для вручения своих отзывных грамот, затем Александру II был представлен Камерон. По словам посланника, император несколько раз прерывал его приветственную речь, выражая свое согласие со сказанным. В ходе последующей беседы Александр II проявил «не только свой глубокий интерес ко всему, что касалось нашей страны, но и хорошее знание ее настоящего положения». Российский самодержец выразил свои симпатии к Соединенным Штатам и подчеркнул общность многих интересов двух держав. В заключенные аудиенции Александру II был представлен Б. Тейлор³². По его утверждению, американские дипло-

маты «были приняты императором с необычайной сердечностью. Генерал был восхищен им, а я – удовлетворен. Конечно, моя беседа была очень краткой, но она дала мне полное представление об этом человеке», писал Тейлор³³. По свидетельству Клея, церемония прошла не совсем гладко, поскольку Камерон позволял себе прерывать приветственную речь императора и демонстрировал невоспитанность, неуместную даже в пенсильванской глуши³⁴.

Уже на следующий день после официальной аккредитации при российском дворе Камерон направил в Вашингтон прошение о скорейшем предоставлении ему отпуска, поблагодарив при этом президента за избавление от неприятностей таким экстравагантным способом, как назначение на дипломатическую службу. Необходимость отъезда из Санкт-Петербурга он объяснял опасением суровой русской зимы, плохим здоровьем жены, стремлением опровергнуть выдвинутые против него обвинения и желанием вернуться в политическую жизнь Пенсильвании, где усиливалось влияние демократов. Камерон просил разрешения сопровождать на родину свою больную жену, добавив, что по прибытии он предполагал подать в отставку³⁵. Желание посланника США поскорее покинуть российскую столицу усиливала холодная погода, преобладавшая летом 1862 года в Санкт-Петербурге. «Холодно», отмечал в своем дневнике министр внутренних дел П. А. Валуев в день приезда Камерона. «Погода октябрьская, буря, дождь и температура между 6-ю и 3⁰ [по Фаренгейту; примерно 14–16⁰ по Цельсию]», писал он в тот день, когда посланник отправил свое прошение об отставке. «Летом до сих пор два теплых дня и одна теплая ночь, да и то пасмурная, с 4-го на 5-е июля», записывал Валуев 10 июля 1862 года³⁶. Камерон стремился также избежать изнурительных светских обязанностей, связанных с его дипломатическим статусом³⁷.

Вскоре после приема в Зимнем дворце американские дипломаты были представлены в Царском Селе наследнику престола, а в воскресенье 17 (29) июня 1862 года Клей, Камерон и Тейлор представлялись императрице Марии Александровне. Аудиенция происходила в Ли-

онской комнате Екатерининского дворца, где Ее Величество «принимала вновь прибывшего Посланника Северо-Американских Штатов Г. Камерон с Секретарем Посольства; – а бывший американский посланник Г. Клее откланивался Ее Величеству. – При чем были: Дежурная Фрейлина, Обер Гофмаршал, и за Обер Церемониймейстера – Церемониймейстер Гр. Рибопьер». «Означенные посланники в предшествии Скорохода и Гоф Фурьера сопровождаемы были в Арабесковый зал, и потом прошены Г. Обер Гофмаршалом в Леонскую комнату, где имели счастье представляться» императрице³⁸.

Прием происходил в интерьерах, созданных однофамильцем посланника Ч. Камероном в южном крыле Екатерининского дворца. Еще при Екатерине II в Лионскую и Арабесковую комнаты «перешла вся жизнь Двора». Обе комнаты с высокими окнами до полу выходили на дворцовую площадь. Они были заново отделаны после воцарения Александра II, «когда были заказаны английскому магазину в Петербурге зеркала, камин, люстры и столы. Все это исполнено из бронзы и ляпис-лазури ...»³⁹. При новом императоре эти так называемые «пятые апартаменты», включавшие внутренние помещения, «были обращены в собственные комнаты Государыни Императрицы, которая подолгу жила в Царском Селе, проводя не только часть лета, но и всю осень»⁴⁰. В те времена каждый из этих залов «по своей архитектурно-художественной отделке представлял собою законченное произведение искусства»⁴¹. В Арабесковой комнате внимание гостей привлекал мраморный камин с резной отделкой. Лионский зал, одно из самых парадных помещений дворца, был украшен наборным паркетом, выложенным из разноцветного дерева – палисандра, пальмы и других ценных пород, со вставками из перламутра. Тогда же, в 1860 году, была завершена Парадная мраморная лестница, по которой посетители поднимались в покои императрицы⁴².

Своему нью-йоркскому знакомому Тейлор сообщал, что они «дважды были в летнем дворце в Царском Селе, чтобы повидаться с наследником престола и импера-

трицей, которые очаровали нас». Оба приема прошли прекрасно. В распоряжение американцев были выделены кареты с лакеями, их угощали великолепным вином и сигарами⁴³. На следующий день после приема у императрицы Тейлор писал жене, что в Царском Селе их угостили прекрасным завтраком, а потом прокатили по парку на придворных каретах⁴⁴. «У меня наилучшие отношения с семьей Камерона, который, действительно, сердечно мне нравится», писал Тейлор день спустя. «У нас имеется шикарная открытая карета с лакеем в ливрее, – в треуголке, с пол-бушеля красных, белых и голубых петушиных перьев на ней, – и мы каждый день разъезжаем, нанося официальные визиты. Власти снабдили нас списком из ста восьмидесяти трех имен, со всеми из которых мы должны познакомиться в такой официальной манере. Дел в миссии, с другой стороны, очень немного ...», – добавлял он⁴⁵.

Летний Санкт-Петербург по обыкновению был пуст, светская жизнь в городе замерла до осени. Двор, высшие чиновники и иностранные дипломаты разъехались из столицы, поэтому даже обязательные визиты часто наносить было некому. Помимо этого, лето 1862 года в Санкт-Петербурге отличалось особенно тяжелой атмосферой, сложившейся под впечатлением систематических поджогов, которые происходили во многих районах города.

Камерон и его спутники прибыли в российскую столицу в очень напряженный момент. Антиправительственная пропаганда и призывы к выступлениям против власти набирали силу. «Как бы в подтверждение этих угроз, весной 1862 года, пожары вспыхнули в разных губерниях Империи, и в Петербурге в течение одной недели достигли ужасающих размеров», – писал историограф царствования Александра II. 28 мая «запылали Шукин и Апраксин дворы. Сгорели дотла оба рынка ... несколько соседних домов, в том числе дом Министерства внутренних дел, а по ту сторону Фонтанки – деревянные дворы. Пламенное море разлилось на обширном пространстве, угрожая дому Министерства народного просвещения, Пажескому корпусу, Публичной библиотеке, Гостиному двору»⁴⁶. Князь В. П. Мещерский вспоминал: «В понедельник, в

Духов день, поезд, прибывший из Петербурга в Царское Село, принес известие о страшном пожаре на Толкучьем рынке. Это был первый день тех ужасных пожаров, которые поразили всех своею неожиданностью и своими размерами. На другой день пожар продолжался: он вспыхивал в разных местах, и никакие пожарные команды не могли его остановить». А «общая картина ужаса не подлежала никакому описанию». «На третий день стали ходить во всех сферах городского населения толки о поджигательстве». И «в том, что этот небывалый по своим размерам пожар, вспыхивавший в разных местах, был делом поджога организованной какой-то шайки поджигателей, в этом никто не мог сомневаться». По заключению Мещерского, «этот пожар явился, увы, грустно-важным событием в истории политических беспорядков, предстоявшей развернуться в виде целой эпохи». В обществе «причиною и началом той разнузданности и смелости, которые проявлять стали подпольные партии преступников, признавали ту слабость, которая проявлена была правительством в минуты ужаса, охватившего всех в лето 1862 года»⁴⁷. «Лучшим русским умам будущее представлялось в самом мрачном свете», писал об этом моменте российской истории С. С. Татищев⁴⁸.

Несмотря на ситуацию, сложившуюся в российской столице, дипломатическая жизнь продолжалась своим чередом, тем более, что Камерон был полностью погружен в свои проблемы и мало интересовался окружающей действительностью. 4 (16) июля посланник США был принят в Петергофе Горчаковым для обсуждения проекта калифорнийского предпринимателя П. М. Коллинса, который предлагал соединить телеграфной линией Тихоокеанское побережье США с Сибирью через Берингов пролив. Камерона сопровождали члены его семьи, министр-резидент США в Стокгольме Дж. С. Халдеман, который навел их с частным визитом, и Тейлор. На станции американцев встречала придворная карета, доставившая их в Большой Петергофский дворец. На время аудиенции сопровождавших посланника лиц разместили в гостевых комнатах. По завершении приема в распоряжение американских гостей

вновь была предоставлена карета, на которой они в сопровождении придворнослужителей совершили экскурсию по петергофским паркам. «Грандиозная система искусственных водопадов и фонтанов, которая стоит в одном ряду с прекраснейшими гидравлическими сооружениями Европы», не могла оставить их равнодушными. По возвращении во дворец Камерон и его спутники были приглашены на роскошный обед. «В Европе нет столицы, где бы лояльного американца встречали с такой всеобщей симпатией, как в С.-Петербурге; ни одной, где бы подавление нашего противоестественного мятежа не приветствовалось бы с более искренним удовлетворением», – докладывал Камерон в госдепартамент⁴⁹.

«В 1862 году государь не считал возможным ехать ни за границу, ни в Крым для летнего отдыха, но в продолжении июля совершил вместе с императрицей путешествие по Прибалтийскому краю», – сообщал Тагищев. «Возвратясь в столицу, он принял в Петербурге второго сына королевы великобританской, принца Альфреда, герцога Эдинбургского, сам посетил в Кронштадте английскую эскадру, а в Петербурге дал аудиенцию первому прибывшему в Россию японскому посольству»⁵⁰. Это была миссия, направленная правительством Японии в 1861 году для урегулирования спорных вопросов с европейскими державами. Посетив Великобританию, Францию, Нидерланды и Пруссию, 28 июля 1862 года японская делегация прибыла в Кронштадт, а оттуда направилась в Санкт-Петербург, «где ее встретили весьма радушно и не третируют как представительницу полуколониальной державы, как это было в столицах других европейских государств»⁵¹.

Впрочем, П. А. Валуев, считавший себя истинным европейцем, пренебрежительно назвал японских послов «тремя дикарями»⁵². Визит японского посольства стал заметным событием в жизни летнего Санкт-Петербурга. На Английской набережной его ожидала торжественная встреча, какой не удостоивались миссии европейских держав. «У паровой пристани находились для принятия посольства: 8-мь Придворных Парадных карет; кроме того Коляска и прочие

Дом на Гагаринской улице, № 5, в бельэтаже которого в 1861–1862 гг. располагалась дипломатическая миссия США и апартаменты американских дипломатов. Фото автора

экипажи под гардиробы и для при- слуги». Парадный «кортеж следо- вал по Английской набережной, Исаакиевской и Адмиралтейской площадям, мимо Зимнего Дворца по набережной, к Запасному Дворцу, назначенному для помещения их». А «впереди карет, ехали в коляске, запряженной в 4-е лошади два Япон- ских Офицера с ящиками в которых заключалась грамота и казна»⁵³. 2 августа на основе особого «Высо- чайше утвержденного церемониала» состоялся торжественный прием японского посольства императором, который по этому случаю прибыл из Петергофа в Зимний дворец⁵⁴. На протяжении августа 1862 года в Санкт-Петербурге проходили русско- японские переговоры о разграниче- нии на Сахалине и других спорных проблемах, но стороны не смогли тогда достичь взаимопонимания⁵⁵.

Вслед за японским в россий- скую столицу прибыло специ- альное итальянское посольство во главе с генералом Э. Ж. ди Сон- назом⁵⁶. Это была первая миссия объединенной Италии, принятая в Санкт-Петербурге⁵⁷. «Летом 1862 года генерал Жербе де Сонназ при- был в Петербург с известительной грамотой о принятии Виктором- Эммануилом титула короля Италии и на торжественной аудиенции 5-го августа вручил ее императору Александру. На другой же день ми- нистр иностранных дел уведомил

циркуляром наши посольства о восстановлении дипломатических отношений России с Итальянским королевством»⁵⁸. 11 августа в честь итальянского посольства в Петер- гофе был устроен торжественный обед⁵⁹. «Завязывая новую дружбу с объединенной Италией, император- ский кабинет воспользовался благо- приятным случаем, чтобы скрепить дружественную связь, издавна существовавшую между Россией и Северо-Американскими Соеди- ненными Штатами», – писал в связи с этим С. С. Татищев⁶⁰. Как доклады- вал Камерон, при российском дворе он был «избавлен от необходимости отстаивать наше дело», поскольку в Санкт-Петербурге господствовало «неизменное желание истолковы- вать все в нашу пользу». Камерон сообщал также, что в нарушение дипломатического этикета он пер- вым нанес визит посланнику единой Италии, чтобы подчеркнуть друже- ственное отношение США к новому королевству, недавно появившемуся на карте Европы⁶¹.

Незадолго до того он направил послание госсекретарю, в котором еще более настойчиво, чем раньше, потребовал предоставления ему от- пуска для возвращения на родину. В дополнение к прежним причинам для этого появились другие, более настоятельные, писал Камерон. «Климат С.-Петербурга оказался настолько неблагоприятным для

здоровья моей жены, что ее состоя- ние внушает мне серьезные опасе- ния, а с каждым днем приближается более суровое и холодное время года. Мое собственное здоровье также страдает из-за того же, хотя я не стал бы настаивать на этой при- чине, если бы существовала какая- либо настоятельная необходимость моего присутствия при этом дворе». Камерон намеревался оставаться в Санкт-Петербурге до тех пор, пока приближение зимы не вынудит его покинуть северную столицу «ради моей семьи». Он был готов уехать, даже не дожидаясь разрешения президента, оставив миссию на Тейлора, которого Камерон характе- ризовал наилучшим образом. Даже если бы климат Санкт-Петербурга не был бы столь неблагоприятным для его семьи, продолжал послан- ник, он считал своим долгом как можно скорее вернуться на родину, переживавшую критический мо- мент, и «поддержать Союз в этот час испытаний всеми средствами, предоставленными мне опытом моей жизни». Камерон отмечал так- же неблагоприятное впечатление от неудачного для федерального пра- вительства хода военных действий, которое проявилось в ходе беседы с Горчаковым⁶². Этот тонкий намек служил своеобразным оправданием для бывшего военного министра, одной из причин смещения которого с этого поста были обвинения в не- компетентности.

Тейлор писал в эти дни одному из своих литературных знакомых: «Ген. Камерон, как вы можете себе представить, очень обеспокоен и удручен. Помимо того, его здоровье не в лучшем состоянии: здешний климат трудно переносим и он ничего не желает так сильно, как вернуться». Камерон, сообщал сек- ретарь миссии, собирался уехать через четыре-пять недель и быть дома в ноябре. «Ген. имеет все осно- вания быть довольным оказанным ему приемом, но он не может оста- ться. Вся его семья чувствует себя нехорошо и не в своей тарелке»⁶³. В другом его письме, адресованном вице-президенту США, отмечалось: «Здоровье ген. Камерона, как и его семьи, очень плохо, и он будет вы- нужден вскоре вернуться хотя бы по одной этой причине». Тейлор полагал, что по возвращении Ка- мерон мог бы с пользой послужить

родине и что последние события в США уже оправдали его прежние действия⁶⁴. Он не скрывал своих симпатий к опальному министру и неоднократно подчеркивал, что между ними установились прекрасные личные отношения. «Хотя он и является политиком, он обладает многими превосходными качествами, и я научился понимать его более глубоко, вероятно, чем большинство его знакомых на родине», – писал Тейлор⁶⁵.

В 1862 году, в связи с присутствием императора в столице, традиционный «день кавалерского праздника Св. Александра Невского, Тезоименитства Его Императорского Величества и Его Императорского Высочества Великого Князя Александра Александровича» отмечался с особой торжественностью. В канун праздника иностранные дипломаты получили повестки от Высочайшего двора с приглашением прибыть в Александрово-Невскую лавру «для слушания Божественной Литургии и принесения поздравления Их Императорским Величествам и Их Императорским Высочествам»⁶⁶. 30 августа августейшая семья экстренным поездом прибыла из Царского Села в Санкт-Петербург и направилась в Николаевский дворец, где собрались другие члены императорской фамилии и их свита. «Торжественный поезд последовал из Николаевского Дворца в Александровскую Лавру» в десяти каретах и верхах. Из Исаакиевского собора в Лавру направлялась «Духовная процессия Крестного хода». Дипломы прибыли заранее и ожидал прибытия высочайших особ в Свято-Троицком соборе⁶⁷.

Не дождавшись разрешения из Вашингтона, 6 (18) сентября 1862 года Камерон передал свои полномочия Тейлору и вскоре после этого без лишних церемоний покинул Санкт-Петербург⁶⁸. Согласие на возвращение Камерона из России было дано в послании

Сьюарда от 6 сентября (25 августа), еще до получения его ультимативного требования от 19 (7) августа, но посланник получил его только 10 октября, уже находясь в Женеве⁶⁹. Объясняя задержку с предоставлением отпуска, госсекретарь писал, что в период военных неудач президент хотел иметь в Европе своих «доверенных представителей». По мнению Линкольна, было бы особенно вредно для интересов США, «если бы миссия в С.-Петербурге оставалась без посланника высочайшего ранга и авторитета, известного в дипломатической службе». Но когда опасность, угрожавшая Союзу, была отражена, президент решил, что отсутствие Камерона в российской столице не повредит интересам государства⁷⁰.

В Нью-Йорке Камерона ожидал торжественный прием, организованный специально созданным комитетом. 8 ноября 1862 года он вернулся на свою ферму в Пенсильвании⁷¹. В том же месяце Камерон встречался с Линкольном, который сообщил ему о своем намерении снова назначить в Санкт-Петербург Клея. Тем не менее, президент согласился на просьбу Камерона отложить его официальную отставку до февраля 1863 года. За оставшееся время посланник надеялся добиться назначения на свой пост Тейлора⁷². 23 февраля 1863 года, по настоянию Линкольна, Камерон подал прошение об отставке⁷³. Вплоть до апреля 1863 года, когда в Санкт-Петербург вернулся Клей, Камерон и его супруга числились в списках дипломатического корпуса российской столицы с пометкой «отсутствуют»⁷⁴. Персоной посланника особенно интересовалось военное ведомство, озабоченное присутствием иностранных дипломатов с воинскими званиями на парадах русских войск. 19 апреля 1863 года канцелярия командующего Императорской главной квартирой специально запрашивала Экспедицию церемо-

ниальных дел министерства императорского двора «не возвратился ли в С. Петербург Американский Посланник». В ответ Экспедиция церемониальных дел рекомендовала вместо Камерона Тейлора⁷⁵. Формальным основанием для этого было, очевидно, то обстоятельство, что временный поверенный в делах США имел чин мичмана, полученный во время плавания на эскадре М. Перри в Японию в 1853–1854 годах. Вопрос разрешился с приездом Клея, который возвратился в Санкт-Петербург в звании генерал-майора.

Несмотря на неудачу на выборах в Сенат в 1863 году, Камерон быстро восстановил контроль над республиканской организацией Пенсильвании, подтвердив свою репутацию выдающегося мастера политических манипуляций. С 1867 по 1877 год он снова представлял свой штат в Сенате США и являлся одним из самых влиятельных политиков периода президентства У. С. Гранта. Камерон ушел в отставку только после того, как обеспечил передачу своего места в Сенате своему старшему сыну Дж. Д. Камерону, который занимал его еще двадцать лет. Последние годы жизни бывший посланник провел на семейной ферме, где он и закончил в 1889 году свой жизненный путь. На момент смерти С. Камерон оставил наиболее заметный след в политической истории Пенсильвании, будучи единственным ее гражданином, который четырежды избирался сенатором Соединенных Штатов. Это был непревзойденный рекорд в масштабах всей страны⁷⁶. С. Камерон считается одним из самых способных партийных организаторов в американской истории. Его имя стало олицетворением правления коррумпированных партийных «боссов», которое являлось характерной чертой «Позолоченного века» в истории США, когда общественная мораль в стране упала ниже всяких стандартов.

¹ Сэндберг К. Линкольн. М., 1961. С. 193.

² Address of the People's Club of Philadelphia, in favor of Gen. Simon Cameron for the next Presidency of the United States. Philadelphia, 1859. P. 1–4, 27–31.

³ См.: Smiley D. L. Lion of White Hall: The Life of Cassius M. Clay. Madison, 1962 (илл.).

⁴ Сэндберг К. Линкольн. С. 193.

⁵ Nicolay J. G., Hay J. Abraham Lincoln. A History. N. Y., 1890. Vol. V. P. 126–128.

⁶ Memoir of Thurlow Weed. Boston, 1884. P. 320–321.

⁷ A. Lincoln to S. Cameron; January 11, 1862 // Complete Works of Abraham Lincoln. N. Y., 1905. Vol. VII. P. 79.

⁸ A. Lincoln to S. Cameron; January 11, 1862 (Private) // Ibid. P. 79–80.

- ⁹ McClure A. K. Abraham Lincoln and Men of War-Times. Philadelphia, 1892. P. 150–151.
- ¹⁰ S. Cameron to A. Lincoln; January 11, 1862 // Complete Works of Abraham Lincoln. Vol. VII. P. 80–82.
- ¹¹ Woldman A. A. Lincoln and the Russians. N. Y., 1961. P. 111–113.
- ¹² Nicolay J. G., Hay J. Abraham Lincoln. Vol. V. P. 128–129.
- ¹³ Bradley E. S. Simon Cameron, Lincoln's Secretary of War. Philadelphia, 1966. P. 224.
- ¹⁴ B. Taylor to his wife; March 26, 1862 // Hansen-Taylor M. On Two Continents. Memories of Half a Century. N. Y., 1905. P. 118–119.
- ¹⁵ Letter of Invitation; April 7, 1862 // Banquet to the Hon. Simon Cameron, Given at the Jones' House, May 2d, 1862, by the People of Harrisburg. Harrisburg, 1862. P. 3.
- ¹⁶ Ibid. P. 4–10.
- ¹⁷ Ibid. P. 11.
- ¹⁸ Ibid. P. 16.
- ¹⁹ Hansen-Taylor M. On Two Continents. P. 120.
- ²⁰ H. Adams to Ch. F. Adams, Jr.; May 22, 1862 // A Cycle of Adams Letters 1861-1865. Boston & N.Y., 1920. Vol. I. P. 153.
- ²¹ Bradley E.S. Simon Cameron. P. 218–219.
- ²² B. Taylor to his mother; June 19, 1862 // Life and Letters of Bayard Taylor. Boston, 1885. Vol. I. P. 387.
- ²³ Woldman A. A. Lincoln and the Russians. P. 114; Smiley D. L. Lion of White Hall. P. 184.
- ²⁴ Saul N. E. Distant Friends: the United States and Russia, 1763–1867. Lawrence, 1991. P. 330.
- ²⁵ S. Cameron to W. H. Seward; June 26, 1862 // Papers relating to the Foreign Relations of the United States (далее – FRUS) 1862. P. 447.
- ²⁶ См.: Памятная книжка на 1862 год. СПб., [б/г]. С. 561.
- ²⁷ Цылов Н. [И.] Описание улиц С.-Петербурга и фамилии домовладельцев к 1863 году. СПб., 1862. С. 57.
- ²⁸ Bradley E. S. Simon Cameron. P. 219.
- ²⁹ B. Taylor to his mother; June 19, 1862 // Life and Letters of Bayard Taylor. Vol. I. P. 387.
- ³⁰ Дубин А. С. По Петербургским адресам. СПб., 2008. С. 60–63.
- ³¹ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (125/2382). № 93. Л. 32–33 об.; Оп. 1 (28/1618). № 179. Л. 268 об. – 269.
- ³² S. Cameron to W.H. Seward; June 26, 1862 // FRUS 1862. P. 447-448.
- ³³ B. Taylor to R.H. Stoddard; July 1, 1862 // Life and Letters of Bayard Taylor. Vol. I. P. 388-389.
- ³⁴ Bradley E. S. Simon Cameron. P. 220.
- ³⁵ Ibid. P. 221–222.
- ³⁶ Дневник П. А. Валуева. М., 1961. Т. I. С. 174, 177, 184.
- ³⁷ Woldman A. A. Lincoln and the Russians. P. 116.
- ³⁸ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (125/2382). № 93. Л. 43.
- ³⁹ Вильчковский С. Н. Царское Село. СПб., 1992. С. 120–121.
- ⁴⁰ Там же. С. 128.
- ⁴¹ Лемус В. В. Екатерининский дворец-музей // Музеи и парки Пушкина. Л., 1976. С. 31.
- ⁴² Там же. С. 40–41.
- ⁴³ B. Taylor to R. H. Stoddard; July 1, 1862 // Life and Letters of Bayard Taylor. Vol. I. P. 389.
- ⁴⁴ B. Taylor to his wife; June 30, 1862 // Hansen-Taylor M. On Two Continents. P. 121.
- ⁴⁵ B. Taylor to R. H. Stoddard; July 1, 1862 // Life and Letters of Bayard Taylor. Vol. I. P. 388–389.
- ⁴⁶ Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 313.
- ⁴⁷ Мещерский В.П. Воспоминания. М., 2001. С. 115.
- ⁴⁸ Татищев С.С. Император Александр II. С. 314.
- ⁴⁹ S. Cameron to W.H. Seward; July 23, 1862 // FRUS 1862. P. 449–450.
- ⁵⁰ Татищев С.С. Император Александр II. С. 316.
- ⁵¹ Синтаро Накамура. Японцы и русские. М., 1983. С. 203–204.
- ⁵² Дневник П.А. Валуева. Т. I. С. 187.
- ⁵³ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (125/2382). № 94. Л. 15–25 об.
- ⁵⁴ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (125/2382). № 95. Л. 6, 8–15.
- ⁵⁵ Кутаков Л. Н. Россия и Япония. М., 1988. С. 150–152.
- ⁵⁶ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (125/2382). № 95. Л. 20–21.
- ⁵⁷ Серова О. В. Горчаков, Кавур и объединение Италии. М., 1997. С. 333–335.
- ⁵⁸ Татищев С. С. Император Александр II. С. 325.
- ⁵⁹ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (125/2382). № 95. Л. 32 об. – 34 об.
- ⁶⁰ Татищев С. С. Император Александр II. С. 326.
- ⁶¹ S. Cameron to W. H. Seward; September 9, 1862 // FRUS 1862. P. 458.
- ⁶² S. Cameron to W. H. Seward; August 19, 1862 // Ibid. P. 454–455.
- ⁶³ B. Taylor to G. P. Smith; August 18, 1862 // The Unpublished Letters of Bayard Taylor in the Houghton Library. San Marino, 1937. P. 55–57.
- ⁶⁴ B. Taylor to H. Hamlin; August 18, 1862 // Ibid. P. 59.
- ⁶⁵ B. Taylor to G. P. Smith; November 12, 1862 // Ibid. P. 62.
- ⁶⁶ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (125/2382). № 95. Л. 53.
- ⁶⁷ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (125/2382). № 95. Л. 57–63.
- ⁶⁸ Register of the Department of State. Washington, 1871. P. 70; United States Chiefs of Mission, 1778–1973. Washington, 1973. P. 137.
- ⁶⁹ Bradley E. S. Simon Cameron. P. 222.
- ⁷⁰ W. H. Seward to S. Cameron; September 16, 1862 // FRUS 1862. P. 458–459.
- ⁷¹ Bradley E. S. Simon Cameron. P. 223.
- ⁷² Hansen-Taylor M. On Two Continents. P. 137.
- ⁷³ Bradley E. S. Simon Cameron. P. 223–224.
- ⁷⁴ Liste du corps diplomatique accrédité à Saint-Pétersbourg. Avril 1863 // РГИА. Ф. 473. Оп. 1. № 969. Л. 20.
- ⁷⁵ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. № 969. Л. 25 и 26.
- ⁷⁶ McClure A. K. Abraham Lincoln and Men of War-Times. P. 134–138, 153–154.